

П. С. Смирнов

История Русского раскола старообрядства

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. С. Смирнов**
История Русского раскола старообрядства / П. С. Смирнов – М.: Книга по Требованию, 2023. – 314 с.

ISBN 978-5-517-97708-3

ISBN 978-5-517-97708-3

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

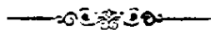
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

пагубу приводятъ», истребляютъ театры, запрещаютъ танцы, музыку, маскарады, воздвигаютъ гоненіе на заморское ученіе, судъ и расправу совершаютъ по Кормчей книгѣ и пр. и пр. и пр. Все это было, но миновало и оставило по себѣ лишь одно воспоминаніе. Теперь совсѣмъ уже не то. Современное состояніе общества есть состояніе упадка, современные порядки жизни государственной, общественной и домашней есть зло: *расколъ чуждается этихъ порядковъ въ понятіяхъ и сторонится по возможности на практикѣ, въ будущемъ ожидаетъ еще болѣеій упадокъ*. Откуда такое нерасположеніе? Въ чемъ его причина? Она заключается въ *религіозныхъ принципахъ* раскола и только въ нихъ однихъ. Все, что существовало во времена святой церковной старожитности—все то свято; все же, что существуетъ теперь—есть порожденіе еретическаго новшества и само есть душепагубная ересь. Расколъ протестуетъ противъ народныхъ переписей... почему? потому, что когда Давидъ царь «послалъ Іоава по всей земли, да счислитъ Израіля, прогнѣвался Господь Богъ за таковое законопреступленіе на Давида и послалъ на него три язвы великія, да и прежде бывшіе въ Россіи благочестивіи царіе: Иванъ Васильевичъ, и Ѳедоръ Ивановичъ, и Михайло Ѳедоровичъ, и Алексѣй Михайловичъ, бывшіи во благочестіи до Никонова патріаршества, сіи вси народнаго исчисленія отъ мала до велика, мужеска пола и женска, живыхъ и мертвыхъ, описанія не творили»,—расколъ возстаетъ противъ «подушныхъ» податей... почему? потому, что «что есть душа? душа есть образъ Божій, дебелствомъ плоти одѣяна, невидима и неосязаема, должна есть приносить Создателю своему дань душевную: вѣру правую, надежду несомнѣнную и любовь нелицемѣрную»,—онъ недоволенъ воинской повинностію... почему? потому, что нынѣ—не «копіи и стрѣлы, мечи и палицы желѣзныя, но оружія огнеспальныя, о нихъ же страшно и рещи, и не воины, не казаки и ратники брадатые со крестами, сирѣчь стрѣльцы благовѣрные, но солдаты, еже есть имя сатаны, и брады бриты, одѣяніе короткое и обгянуто, и хвостъ имущъ на главахъ же носятъ орла, о немъ же писа Ездра пророкъ», — онъ вопіетъ противъ моды въ одеждѣ... почему? потому, что «россіяне дворяне и прочіе... платье, обувь, колоши нѣмецкіе носятъ, и галстухи около шеи, и парики». также и женскій полъ въ платьяхъ своихъ особенности нѣкоторыя неудобныя допускаетъ, и съ непокрытыми главами ходятъ, мужчины «брады брѣютъ», женщины «лица ваннами мажутъ и бѣлятъ, брови же начерневаютъ, и власы воными умащаютъ»: а все это что такое? напримѣръ, брадобритіе или галстухи?.. зри, что писано въ «дѣяніяхъ апостольскихъ», въ зачатѣ 36: подобаесть христіанамъ «огребатися отъ требъ идольскихъ, и отъ блуда, и отъ удавленныя», а «удавленна» и есть галстухи никоніанскіе... зри и

то, что брадобрійцы «губятъ доброту Богомъ созданнаго имъ образа»: при воскресеніи мертвыхъ, и море, и земля, и огонь, и звѣри, и птицы отдадутъ всякую плоть человѣка и живъ будетъ человѣкъ, но сбритые волосы съ бороды и усовъ не отдадутся, а безъ нихъ человѣкъ не войдетъ въ царство небесное... Вотъ какъ разсуждаетъ расколъ о современныхъ гражданскихъ новшествахъ! Во всѣхъ этихъ вопляхъ слышится одинъ мотивъ, — такой, который совсѣмъ несвойствененъ партіи гражданской. Идеаль гражданскаго устройства существуетъ для раскола въ невозвратимомъ прошедшемъ, въ будущемъ онъ не существуетъ. И теперь, и впереди—антихристъ, который, правда, долженъ пасть, но не отъ руки людей, а отъ десницы самого Иисуса Христа, какъ сказано въ Писаніи. и за паденіемъ антихриста немедленно настанетъ воскресеніе мертвыхъ, страшный судъ, райскія утѣхи и вѣчный огонь. Торжества своихъ общинъ послѣдователи старообрядства не ожидаютъ: по духу своихъ вѣрованій они *не только не способны быть политическими дѣятелями, но даже и орудіемъ такихъ дѣятелей.*

Такова въ существенныхъ чертахъ характеристика раскола старообрядства. Была особаго рода *почва*, на которой выросъ расколъ, и была *атмосфера*, при которой онъ народился. Вопросъ о почвѣ разъясняетъ то, почему расколъ возникъ по поводу исправленія богослужебныхъ книгъ и церковныхъ обрядовъ; вопросъ объ атмосферѣ, объ обстоятельствахъ возникновенія раскола показываетъ то, почему расколъ появился именно во второй половинѣ XVII вѣка.

Г Л А В А I.

Происхожденіе раскола.

А. § 1. Обрядовое направленіе въ религіозной жизни русскаго народа.—§ 2. Религіозная самомнительность русскаго народа.—§ 3. Эсхатологическія чаянія, существовавшія на Руси.

§ 1. Итакъ, почему расколъ возникъ по поводу исправленія богослужебныхъ книгъ и церковныхъ обрядовъ?

Начнемъ съ примѣчанія къ тому взгляду, который въ протестѣ противъ исправленія текста богослужебныхъ книгъ и формы церковныхъ обрядовъ видитъ результатъ умственного невѣжества, приписавшаго буквъ книгъ и формъ обрядовъ значеніе догматической неизмѣняемости. Въ уваженіи къ тексту богослужебныхъ книгъ и къ формѣ церковныхъ обрядовъ ошибочно видѣть слѣдствіе умственной недоразвитости. Въ нашей религіозной жизни церковные тексты и церковные обряды безспорно имѣютъ важное значеніе. Наша «вѣра, по апостолу, есть уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ». Содержаніе ея заключается въ отвлеченныхъ, созерцательныхъ истинахъ и воспринимается нами внутренно, способностями души. Но такъ какъ человѣкъ состоитъ не изъ души только, но и тѣла, то и имѣетъ потребность выражать свои внутреннія чувства во внѣ, наружнымъ образомъ, чрезъ извѣстныя дѣйствія; вмѣстѣ съ тѣмъ истины вѣры необходимо должны быть выражены въ словѣ. Отсюда, Церковь издревле имѣла такъ называемые «символы вѣры»; отсюда же, она постепенно, по мѣрѣ развитія христіанскаго сознанія и соотвѣтственно обстоятельствамъ времени, вырабатывала и вводила въ употребленіе различныя церковныя обычаи и обряды. Такимъ образомъ церковные тексты и обряды символически выражаютъ содержаніе вѣроученія. Вмѣстѣ съ тѣмъ тексты и обряды суть внѣшнія средства, помощію которыхъ религіозное мышленіе усвоетъ сокровенную сущность вѣроученія. Въ этомъ заключается психологическое значеніе текстовъ и обрядовъ. Вѣроученіе состоитъ изъ истинъ свыше-откровенныхъ и свыше-откровенныхъ требованій—изъ догматовъ

и заповѣдей. Догматы превосходятъ познавательныя способности нашего разума, заповѣди превосходятъ естественныя влеченія человѣческой воли. Если такъ, то, спрашивается, какимъ образомъ усвоится вѣроученіе? Напримѣръ: какъ можетъ человѣкъ усвоить неспстижимый христіанскій догматъ о троичности Лиць въ Богѣ? Или: какимъ образомъ можно воспитать человѣка въ мысли, что послѣдователю Христа слѣдуетъ любить враговъ своихъ? Эта цѣль достигается при посредствѣ религіознаго воспитанія, отличительную черту котораго составляетъ то, что въ немъ истины вѣры преподаются воспитываемому въ извѣстныхъ, готовыхъ, опредѣленныхъ формахъ. Онѣ сообщаются въ извѣстныхъ текстахъ и усвоятся при помощи извѣстныхъ церковныхъ дѣйствій и богослужебныхъ обрядовъ; послѣднія такимъ образомъ являются какъ-бы педагогическимъ пособіемъ. Вслѣдствіе этого тексты и обряды въ представленіи религіозно-воспитываемаго неразрывно срастаются съ самыми усвояемыми истинами,—форма не отдѣляется отъ содержанія. Здѣсь замѣчается подобіе того, что бываетъ въ области поэзіи или музыки. Извѣстно, что самое гениальное стихотвореніе теряетъ силу обаятельности, какъ скоро поэтическія формы перелгаются въ прозаическія. Или: мелодія перестаетъ звучать въ ухахъ, какъ скоро забывается сочетаніе звуковъ. Подобно этому и въ области вѣры: религіозная истина чувствуется нами ближе, если сохраняется въ одной, извѣстной намъ, формѣ. «Единовѣрцы» крестятся двумя перстами, извѣстнымъ образомъ слагая ихъ во имя св. Троицы и въ знакъ божества и человѣчества въ лицѣ Богочеловѣка, и просятъ не обременять ихъ совѣсть употребленіемъ троеперстія, хотя въ немъ тѣ же истины и выражаются точнѣе, чѣмъ въ двуперстіи. Одного при этомъ нельзя забывать, того, что *психологическое* значеніе церковныхъ текстовъ и обрядовъ нисколько не сообщаетъ имъ *догматической* важности и неизмѣнимости. Съ очевидностію это обнаруживается изъ исторіи вселенской церкви. Въ жизни вселенской церкви всегда имѣли мѣсто и тексты церковные и обряды церковные, но мѣсто свое, имъ подобающее; ибо только богооткровенныя истины и богооткровенныя требованія сохранялись въ Церкви неизмѣнно; обряды же въ разное время въ различныхъ мѣстахъ были различны; равно и выраженіе догматовъ въ опредѣленномъ словѣ и текстѣ охранялось лишь тогда, когда то устанавливала сама Церковь. А между тѣмъ жизнь помѣстной русской Церкви какъ началась, такъ и продолжалась при такихъ условіяхъ, которыя не привели къ сознанію и усвоенію этого начала Церкви вселенской. Вотъ тутъ-то, въ этомъ именно, и замѣшалось такъ называемое «умственное невѣжество» русскихъ людей времени возникновенія раскола, и только настолько, насколько оно воспрепятствовало уяснить истинный смыслъ

церковныхъ текстовъ и обрядовъ. значеніе которыхъ русскій человѣкъ сознавать, но смутно. Какія же это были условія? Слѣдующія три.

При принятіи христіанства русскіе обратили особенное вниманіе на *внѣшнюю сторону* послѣдняго. Христіанскіе храмы, ихъ святыни, общественное богослуженіе, служители церкви—вотъ что привлекало къ себѣ русскихъ христіанъ. Слѣды такой набожности очень замѣтны еще въ до-монгольскій періодъ исторіи русской Церкви ¹⁾; съ теченіемъ времени, до самаго конца XVI вѣка, она постепенно, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, усиливалась. Разрушенные при татарскомъ погромѣ храмы быстро были восстановлены; въ XVI вѣкѣ внѣшнее благочестіе въ этомъ отношеніи сдѣлало столько, что въ храмахъ чувствовался избытокъ. Народъ чтилъ храмы; проходя мимо, снималъ шапки и крестился; святынею храма — иконами и крестами украшались дома; ихъ можно было видѣть также на площадяхъ, большихъ дорогахъ—въ часовняхъ и на столбахъ, надъ воротами городскихъ стѣнъ и въ другихъ открытыхъ мѣстахъ; кресты носились и на шеѣ; иконы возились послани за границу; особенно чтились чудотворныя иконы. Различные предметы, освящаемые въ храмѣ, просфоры, св. вода, елей, съ благоговѣніемъ уносились домой и сохранялись. Любили торжественныя крестныя ходы и церемоніальность богослуженія; заботились о большемъ количествѣ свѣчей и о «доброшумномъ» звонѣ колоколовъ. Любовь русскихъ къ молитвѣ просто изумляла иностранцевъ: день начинался и оканчивался молитвой, всякая работа — крестнымъ знаменіемъ. Отправляясь въ путешествіе, служили молебенъ и брали благословеніе у священника. Входя въ домъ, молились предъ иконой. Горячая молитва сопровождалась усердными земными поклонами. Строго соблюдали посты. Уважали чинъ священнической, любили чинъ монашескій. Мірскую жизнь думали устроить по образцу монастырской ²⁾. Вспомнимъ, какъ Іоаннъ Грозный въ своей Александровской слободѣ устроилъ нѣчто въ родѣ монашеской общины: ежедневно утромъ и вечеромъ здѣсь совершалась довольно продолжительная служба; царь самъ пѣлъ на клиросѣ, самъ ходилъ въ полночь звонить въ колокола, самъ читалъ житія въ трапезѣ, когда другіе обѣдали.

Второе условіе заключалось въ состояніи *просвѣщенія*. Исторія просвѣщенія на Руси показываетъ, что оно съ вѣками не на гору поднималось. Первые учителя русскихъ — греки старались завести у насъ просвѣщеніе собственно научное; о томъ же заботилось и правительство въ лицѣ св. Владимира и Ярослава I. Но научное просвѣщеніе не привилось на Руси, потому что на практической взглядъ русскихъ оно казалось пустой затѣей. Организованныхъ правительственныхъ училищъ съ постояннымъ кругомъ ученія не было и все

просвѣщеніе свелось на одну грамотность и, какъ результатъ ея, начитанность. Со времени Ярослава грамотность проникла въ села, а въ городахъ стала явленіемъ обыкновеннымъ ³⁾. Но и такъ было только до татарскаго нашествія; съ этого же времени состояніе просвѣщенія въ Россіи даже противъ прежняго ухудшилось. Татарскій погромъ уничтожилъ запасы книгъ въ монастыряхъ; греки, прежніе учителя русскихъ, напугавшись татаръ, побѣжали изъ Россіи; а европейскій западъ, гдѣ было научное просвѣщеніе, сталъ въ глазахъ русскихъ еретическимъ; оставалось такимъ образомъ довольствоваться своими собственными образовательными средствами. Но средства эти были недостаточны. Школы, существовавшія при нѣкоторыхъ церквяхъ, монастыряхъ и частныхъ домахъ, не представляли собой правильно организованныхъ училищъ; ученики не шли дальше элементарнаго обученія грамотѣ или богослужебной практикѣ; учителями были «мужики — невѣжды» и притомъ они имѣли въ виду одну корыстную цѣль. Оттого и выходило, что ученикъ «отойдетъ отъ мастера—ничего не умѣетъ, едва только по книгѣ бредеть» ⁴⁾. Такъ было въ самомъ концѣ XV вѣка. Къ половинѣ XVI вѣка уменьшилось количество и этихъ первоначальныхъ школъ, такъ что почти всѣмъ «негдѣ» было «учиться». На это горько жаловались отцы Стоглаваго собора ⁵⁾. Соборъ думалъ завести побольше училищъ; но желаніе его, повидимому, не осуществилось. «Во всей Московіи нѣтъ ни коллегій, ни академій, а есть только кое-какія школы, въ которыхъ учатся дѣти читать и писать» — такъ говорятъ свидѣтельства иностранцевъ, бывшихъ въ Россіи послѣ Стоглаваго собора. Неудивительно, если, по тѣмъ же свидѣтельствамъ, въ народѣ на тысячу человекъ едва-ли приходился хоть одинъ грамотный ⁶⁾. Въ обществѣ распространилось мнѣніе, что чтеніе книгъ есть «дѣло чернеческое». Къ концу XVI вѣка стали даже бояться чтенія книгъ. Сами мастера говорили: «грѣхъ мірянамъ честь апостоль и евангеліе». Или: «не чтите книгъ многихъ», — можно сойти съ ума и впасть въ ересь ⁷⁾. А духовенство? Оно само погрязло въ полномъ невѣжествѣ ⁸⁾. Въ низшемъ духовенствѣ малограмотность была оченьъ обычною: «ставленники, хотѣвшіе ставиться въ дьяконы и попы», по свидѣтельству Стоглаваго собора, «грамотѣ мало умѣли» ⁹⁾. Они, по выраженію новгородскаго архіепископа Геннадія, «едва брели по Псалтири», а въ Апостолѣ «и ступить не могли»; если заставляли «учиться ектеньямъ, и къ слову не могли пристать» ¹⁰⁾. Поневолѣ ставили въ попы такихъ, которые, не зная «основныхъ началъ грамоты», не знали и основныхъ догматовъ православной вѣры ¹¹⁾. «Малоученые грамотѣ» встрѣчались даже между епископами ¹²⁾, нѣкоторые епископы

не въ состояніи были сказать, сколько было евангелистовъ и сколько всѣхъ апостоловъ ¹³).

Печальное состояніе просвѣщенія невыгодно отозвалось на нашей *церковной письменности*. Характерными образцами ея были такъ называемые сборники или сборники. Они частію составлялись въ Россіи, частію шли сюда готовыми. Сохранились сборники еще отъ XI вѣка ¹⁴). Въ періодъ XIII — XVI в. число сборниковъ русскаго происхожденія очень увеличилось. По своему содержанію они были разнообразны: были сборники церковно-законодательнаго характера, библейскіе, учительные и, наконецъ, смѣшаннаго содержанія. Кормчіи и во главѣ ихъ «Сводная Кормчая» ¹⁵), Измарагдъ, Маргаритъ, Златая цѣпь, Четыи-миней, Торжественники, Сказанія отъ старчества ¹⁶) — все это сборники. Въ большомъ употребленіи были также апокрифическія произведенія. Они были разнообразнаго содержанія: одни (напримѣръ: «Адамовъ завѣтъ», «Книга Эноха») касались библейской исторіи; другія (напримѣръ: «Хожденіе Богородицы по мукамъ», «Хожденіе Зосимы къ рахманамъ») были догматико-нравоучительнаго содержанія; третьи (напримѣръ: «Алма-нахъ») — по астрологін. Въ XVI вѣкѣ съ латискаго или нѣмецкаго было переведено цѣлое энциклопедическое произведеніе подобнаго рода — «Луцидаріусъ» ¹⁷).

Какое же значеніе имѣли эти три фактора: *изначальная набожность русскаго народа, отсутствіе просвѣщенія и состояніе литературы?* Имъ обусловливалось то обстоятельство, что набожное настроеніе, само по себѣ доброе и благочестивое, съ теченіемъ времени превратилось въ мертвообрядовое направленіе. — вся сущность религіи была заключена въ одну внѣшнюю обрядность. (Обыкновенно бываетъ такъ, что народъ, стоящій на низшей ступени развитія, сосредоточиваетъ свое вниманіе на культовой сторонѣ религіи. Его умственный кругозоръ настолько узокъ, что ограничивается однимъ внѣшнимъ наблюденіемъ. Догматы вѣры онъ мало знаетъ или совсѣмъ не знаетъ, за то обряды онъ исполняетъ обязательно, постепенно привыкая полагать въ нихъ существо вѣры. Лишь по мѣрѣ развитія просвѣщенія, которое расширяетъ горизонтъ умственнаго зрѣнія человѣка, послѣдній перестаетъ смѣшивать обрядъ съ догматомъ. Русскіе приняли христіанство въ то время, когда на Руси не было просвѣщенія. Если и было что понятно для большинства новокрещенныхъ, то только требованія церковнаго устава. А между тѣмъ помощи не было подано въ теченіи многихъ вѣковъ: просвѣщенія не было. Засвѣтившійся-было свѣточъ постепенно угасалъ и, спустя пять столѣтій, настала «темный» XVI вѣкъ. Русскій ходилъ въ умственномъ мракѣ и наталкивался лишь на то, что доступно для внѣшнихъ чувствъ.

Явился и руководитель въ образѣ современной литературы, чтобы окончательно закрѣпить усилившуюся религіозную обрядность. Въ характерныхъ образцахъ письменности того времени—сборникахъ находимъ, съ одной стороны, уваженіе ихъ составителей къ авторитету книгъ, съ другой — стремленіе по преимуществу къ вопросамъ практическаго характера. То и другое было прямымъ отраженіемъ царившей въ религіозной жизни внѣшности, обрядности. Въ грядущихъ же поколѣніяхъ въ свою очередь уже сама литература болѣе и болѣе закрѣпляла эту обрядность. Въ первомъ случаѣ закрѣплялась неприкосновенность церковныхъ книгъ, во второмъ—неприкосновенность церковныхъ обрядовъ. «Всѣмъ грѣхамъ мати — мнѣніе, мнѣніе — второе паденіе»: таково было убѣжденіе русскихъ книжниковъ. Дѣятельность мышленія непременно приурочивалась къ тексту книгъ. «Аще кто не имѣя книги мудрствуетъ, таковой подобенъ оплоту, безъ подпоръ стоящу». Легко было многимъ книгамъ усвоить непринадлежащій имъ авторитетъ, легко было перенести уваженіе и на самую букву книгъ. Если книга касалась предметовъ вѣры и нравственности, она признавалась за «боговдохновенную». Если эту книгу требовалось переписать, полагали, что это дѣло—начертаніе словъ и буквъ—совершается «изволеніемъ безначальнаго Отца, поспѣшеніемъ сопредостольнаго Сына и наученіемъ Св. Духа». Если какой либо «жесловесникъ», выпуская въ свѣтъ свое писаніе, прикрывалъ его именемъ св. отца,—масса «усплаждалась» его «баснями» и «бреднями», какъ божественнымъ писаніемъ¹⁵⁾. Такъ велико было уваженіе къ книгамъ и такъ слѣпо слѣдовали имъ! Между тѣмъ—что давали эти книги? Особеннымъ вниманіемъ пользовалась апокрифическая литература. Читаясь ею, мысль совсѣмъ измельчала, такъ что, если и занималась она какими-либо непмѣющими практическаго значенія вопросами, то развѣ въ родѣ того: «како имя древу тому, на немъ-же обѣснѣя Іуда?» или: «что есть: живый мертваго боится, а мертвый кричаше и на гласъ его вси людіе течаху, да спасутся?» Очевидно, она, эта мысль, и не могла идти далѣе внѣшности, обрядности, и слѣдствіемъ этого было то, что церковная письменность, трактовавшая исключительно о томъ, какъ угодить Богу, какъ человѣку наследовать царствіе Божіе, приурочила все дѣло спасенія къ требованіямъ одной внѣшней набожности. Вотъ примѣръ: «за псалтирю молвы 7000 молитвъ: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго». За канонизму 300 молитвъ, за славу 100, за утреню 1500 молитвъ, за нефимонтъ за великій 500, за малый 400 молитвъ». Или еще: «аще кто молитву сію, требуя ея, глаголетъ, яко изъ ноздринъ дыханіе, — по первомъ лѣтѣ вселится въ него Христосъ Сынъ Божій; по второмъ лѣтѣ увидеть въ него Духъ

Святый; по третьемъ лѣтъ придетъ къ нему Отецъ и, вшедь въ него, обитель въ немъ сотворить». Подобно этому, напримѣръ, думали, что невкушеніе мясной или рыбной пищи есть такой подвигъ, невыполненіе котораго равносильно грѣху распятія Христа, что монашеская мантия непременно подаетъ спасеніе и т. д. ¹⁹⁾. Очевидно, въ обрядѣ и буквѣ полагалось все, такъ что за ними не оставалось ничего: обрядъ и буква являлись не выраженіемъ догматической истины, а какъ-бы самимъ догматомъ; для обряда допускалась только одна форма—какъ истинная, для мысли только одно выраженіе — какъ православное. Такой взглядъ характерно отразился въ спорахъ по поводу обрядовыхъ разностей. Особенно горячо спорили объ аллилуіа и посолонномъ хожденіи.

Споръ о томъ, *какъ пѣть аллилуіа*, по-дважды или по-трижды, возникъ въ первой четверти XV в. Ареною, гдѣ велась борьба, была псковская область. Обращаясь съ различными церковными недоумѣніями къ м. Фотію, псковское духовенство спрашивало его и о томъ, какъ пѣть аллилуіа. Хотя въ отвѣтной грамотѣ (1419 г.) Фотій высказался въ пользу трегубаго аллилуіа ²⁰⁾, но отвѣтъ успокоилъ общество лишь на время. Прошло лѣтъ 30 и снова былъ поднятъ тотъ-же вопросъ. Свѣдѣнія объ этомъ заключаются въ житіи преп. Евфросина и въ особой по этому дѣлу перепискѣ. Евфросинъ, пнокъ Елеазарова монастыря, особенно много «сѣтовалъ безмѣрною печалію предъ Богомъ о пресвятыхъ аллилуіа». Многихъ онъ спрашивалъ «о великой той вещи», но никто не могъ протолковать ему «тайну божественной аллилуіи». Тогда Евфросинъ отправился въ Царьградъ. Онъ посѣтилъ Софійскій соборъ, бесѣдовалъ съ п. Іосифомъ: въ соборѣ Евфросинъ слышалъ сугубую аллилуію, отъ патріарха Іосифа получилъ наставленіе тоже сугубить. Поэтому, по возвращеніи, Евфросинъ въ своемъ монастырѣ сталъ пѣть аллилуіа по-дважды. Противъ него возсталъ нѣкій располъ Іовъ, жившій въ Псковѣ. Немедля написалъ онъ обличительную на Евфросина «епистолію». Къ Евфросину явились особыя посланные и стали обвинять его въ томъ, что онъ усугубленіемъ аллилуіа «колеблетъ церкви Божіи, мутитъ благодатный законъ, умаляетъ славу Христа». Хотя обличавшіе Евфросина были «непреборимые вити», но убѣдить его имъ не удалось. Онъ обозвалъ посланныхъ «свински мудрствующими», писаніе Іова—«тельчимъ вѣщаніемъ», а самого Іова — «столпомъ мотыльнымъ». Вскорѣ Евфросинъ прислалъ въ псковскіе соборы посланіе объ аллилуіа, съ порицаніемъ на Іова ²¹⁾. Отвѣтивъ Евфросину посланіемъ ²²⁾, Іовъ сталъ вооружать псковичей противъ Евфросина, — и всѣхъ вооружилъ. Инока стали называть еретикомъ; проходя мимо монастыря, псковичи перестали креститься на монастырскій храмъ. Въ крайней горести Евфро-

снѣ обратился съ письмомъ къ архіепископу новгородскому Евѣмїю (1434—58), прося «запретить» Іову называть еретикомъ его, Евфросина, и тѣмъ «утишить мятежь». Но владыка не разсудилъ при междоусобной. Тогда псковичи написали указъ, чтобы тронть аллилуїа, ибо кто двонть, тотъ разлучаетъ Св. Духа отъ Отца и Сына ²³). Евфросину оставалось обратиться съ молитвою къ Богу, въ которой одной и находилъ онъ для себя утѣшеніе до самой своей кончины. Въ 1481 г. Евфросинъ отошелъ въ вѣчныя обители. Но смерть Евфросина не затворила уста Іову: и онъ, подобно Евфросину, такъ и умеръ въ убѣжденіи, что противникъ его не по уставу прославлялъ величіе Божіе. Вопросъ продолжалъ волновать общество и послѣ смерти главныхъ виновниковъ спора. Въ концѣ XV вѣка новгородскій владыка Геннадій писалъ объ этомъ къ Дмитрію Толмачу. Послѣдній отвѣтилъ, что можно аллилуїа и сугубить и трегубить, лишь бы мысль была православная ²⁴). Но и этотъ разумный отвѣтъ не успокоилъ умы: споры продолжались. Въ надеждѣ на побѣду противники брались за перо и прибѣгали къ вымысламъ. Отвѣтъ м. Фотія былъ передѣланъ на приказъ двонть аллилуїа ²⁵). Самое житіе Евфросина ²⁶) есть, надо полагать, подѣлка, въ которой на Евфросина перенесены данныя изъ исторіи нѣкоего монаха Аеанасія,—съ лица всѣми забытаго на лицо авторитетное и всѣми уважаемое ²⁷). Интереснѣе же всего разсказъ сочинителя житія о томъ, какъ будто бы являлась ему сама Богородица и запретила тронть аллилуїю, объяснивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и тайну сугубой: сугубая аллилуїа—внемли!—заключаетъ въ себѣ великую тайну воскресенія Христова; тайна эта оставалась сокровенною не только для ветхозавѣтныхъ патріарховъ и пророковъ, но и для всего новозавѣтнаго сонма святыхъ мужей, такъ что не могъ и не дерзнулъ открыть ее ни одинъ Вселенскій соборъ; самъ святой Евфросинъ, отъ юности посвятившій себя откровенію тайны, умеръ въ ея невѣдѣніи; только по исполненіи времени, по молитвамъ этого святого, сію, отъ вѣка утаенную, тайну открыла сама Матерь Божія сочинителю житія преп. Евфросина... Въ 1547 г. священникъ Василій въ житіи преп. Евфросина ²⁸) помѣстилъ новый вымыселъ, будто бы царградскій патріархъ Іосифъ даже «писаніе вдалъ» Евфросину, чтобы сугубить аллилуїа. Нѣчто подобное допускали съ своей стороны и защитники трегубой аллилуїи ²⁹).

Въ послѣдней четверти того-же XV вѣка происходили подобные споры въ самой Москвѣ о *посолонномъ хожденіи*. Въ 1478 г. при освященіи московскаго Успенскаго собора митрополитъ Геронтій ходилъ съ крестами вокругъ церкви «не по солнечному восходу». «Нѣщїи прелестницы» вздумали воспользоваться этимъ, чтобы поссорить митрополита съ вели-